

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2023-3-9-17

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ДОКУМЕНТНОМ ДИСКУРСЕ XVII в.

© Майоров Александр Петрович

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2
map1955@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению административных терминов *князец*, *лутчие люди* как инструментария документного дискурса XVII в., выполняющего функцию дискурса власти.

Дискурсивный анализ терминологической лексики сферы государственного управления предполагает в первую очередь характеристику специфики государственного устройства Московской Руси данного периода. В этом случае методологически оправданным представляется применение положений кратологической теории М. Фуко. В рамках понятийного аппарата ученого власть русского царя XV–XVII вв. интерпретируется как власть-господство, а ее олицетворением в период интенсивного освоения территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока выступает эпистема колонизации. Рассмотренные автором дискурсивные практики, которые получили отражение в корпусе текстов забайкальской деловой письменности XVII в., свидетельствуют о своеобразном восприятии покорителями Сибири сложной социальной иерархии бурятского общества того времени. Освоение территорий, населенных коренными народами Циркумбайкальского региона, должно было неизбежно сопровождаться межэтническими и межъязыковыми контактами, результатом которых ожидалось бы употребление в русском документном дискурсе автохтонных заимствований, обозначающих административные должности в бурятском обществе того времени. Этому не происходит, и отсутствие должностных терминов *даруга*, *зайсан*, *засул*, *тайша*, *шуленга* объясняется тем, что все данные терминологические номинации заменяют русские термины *князец*, *лутчие люди*. В контексте упомянутой эпистемы колонизации и выстраивания жесткой вертикали власти-господства разграничение инородцев по социальному статусу оказывалось не нужным. Замещение автохтонных заимствований русскими терминами *князец* (с вариантами *княжец*, *князек*), *лутчие люди* связано с выполнением данными терминами функции дискурсом по упрочению имперского сознания у бывших и новых российских подданных, а также закреплением за термином представления о вассальной зависимости ясачных людей.

Автор статьи счел необходимым отдельно охарактеризовать свое употребление слова *термин* в связи с неоднозначным толкованием историками языка его применения в диахронном аспекте.

Ключевые слова: термин, дискурсема, дискурс власти, дискурсивные практики, эпистема колонизации, *князец*, *лутчие люди*, Забайкалье XVII в., буряты.

Для цитирования

Майоров А. П. Административная терминология в забайкальском документном дискурсе XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 9–17.

С укреплением государственности Московской Руси в XVII в. словарь русского языка особенно интенсивно обогащается специальными словами, призванными обозначать определенные понятия, формирующиеся в различных сферах профессиональной деятельности и, в частности, в административно-управляющей сфере. В исторической русистике ученые для обозначения специальных понятий прибегают к различным языковым средствам от традиционно употребительной лексемы *термин* до составного наименования *специальная лексика*. Можно выделить два основных подхода к выбору номинации специальных понятий в исследованиях по истории русского языка.

Первый подход связан с общегуманитарной традицией употребления лексемы *термин* для выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов любой исторической эпохи. Так, историк В. О. Ключевский рассматривает как политические термины названия частей государственной территории Русской земли — *волость, удел, уезд, погост* и др. Литературовед Д. С. Лихачев в качестве примеров политической терминологии приводит наименования древнерусских должностей *посадник, старейшина, князь*. Культуролог и семиотик Ю. М. Лотман обращает внимание на специфику терминов феодальной системы *честь и слава, веселие*, а пушкинское выражение *московская кухня* интерпретирует как термин, обозначающий провинциальную модницу. Из лингвистов — историков языка данного подхода придерживаются О. В. Баракова, В. В. Виноградов, Л. Л. Кутина, Л. П. Рупосова и др. Иными словами, для них актуален только социолингвистический критерий, устанавливающий употребление слова-термина в определенной социально-профессиональной среде.

Представители второго подхода рассуждают в рамках терминоведения и для идентификации термина в диахронном аспекте считают необходимым учитывать наличие у слова дефинитивной функции. Это по умолчанию подразумевает точность выражения понятий, что непременно связывается с научной разработкой дефиниции. Поэтому, согласно данному подходу, то или иное специальное слово можно назвать *термином* только в связи со становлением и развитием науки, а в донаучный период оно имеет разную степень терминологичности и выступает в роли прототермина, предтермина, терминоида, квазитермина, паратермина. Второму подходу следуют Е. Ю. Попов, Л. В. Попова, О. В. Фельде (Борхвальдт) и др. Особо выделяется позиция Г. П. Снетовой, которая использует слово *термин* для характеристики специальных слов как в современном русском языке, так и в древне- / старорусском языках, но при этом отмечает историческую изменчивость термина в понятийно-смысловом плане [9, с. 11]. Соответственно в донаучной терминологии термину, по ее мнению, присуща исключительно номинативная, но не дефинитивная функция [9, с. 13]. В настоящей статье для описания наименований административных должностей XVII в., вслед за Г. П. Снетовой, употребляется слово *термин*, содержание которого передает особенности формирования административной терминологии в указанный исторический период.

В наибольшей степени актуально рассмотрение функционирования данного вида терминов в документном дискурсе XVII в., рассказывающем о колониальной политике России, которая проводилась на вновь осваиваемых территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока. Документный дискурс выполняет функции дискурса власти и смысл его регулятивной функции во многом определяется отбором тех языковых средств, которые в методологических целях лучше назвать

дискурсемами. В настоящем исследовании под дискурсемой понимается вербальное и/или невербальное средство построения дискурса, выбор которого обусловлен лингвопрагматическими правилами дискурсивной практики определенной сферы коммуникации и определенного исторического периода. Ключевыми признаками дискурсемы являются ее организующая роль в построении дискурса, контекстуальное и конситуативное значение, зависимость семантики и стилистической окраски дискурсемы от жанровой принадлежности текста.

Поскольку для документного дискурса как дискурса власти релевантной является его лингвопрагматическая характеристика, то дискурс-анализ лингвистической составляющей не может обойтись без краткого рассмотрения формы российской политической власти в семнадцатом столетии, т. е. власти-господства, предопределяющей своеобразие дискурсивных практик, подчиненных идее колонизации.

Власть-господство, отличающая государственный строй Московской Руси XV–XVII вв., проявлялась в насильственной и безвозмездной системе обложения подданных, лишенной какого-либо правового основания, в отсутствии системы с исчерпывающей, планомерной иерархией власти из-за множества постоянно возникающих отношений господства, которые перекрещиваются, переплетаются друг с другом, и неизменности характера такого господства, заложенного традицией. Соответственно вновь осваиваемые в XVII в. сибирские территории рассматривались как вотчина государя [8], т. е. как полная его собственность вместе с ясачными людьми, которые считались холопами, живущими на его земле. Служилые люди в роли исполнителей воли господина-монарха, подчиняясь ей беспрекословно, поступали соответствующим образом.

Менталитет Московского вотчинного государственного аппарата семнадцатого столетия был вооружен эпистемой¹ колонизации, т. е. теми дискурсивными практиками, которые были проникнуты идеей освоения новых территорий с целью получения максимальной прибыли при минимуме производительных сил и насаждения жесткой вертикали, беспрекословного подчинения низшего уровня высшему согласно принципам власти-господства. Тексты забайкальской деловой письменности XVII в. содержат эпистему колонизации, охватывавшую ограниченный набор жанров и содержащую относительно бедную тематику деловых бумаг на фоне разнообразия жанров и изобилия тем документов XVIII в., связанных уже с эпистемой иного свойства. В подавляющем большинстве это были отписки служилых людей о приведении покоренных инородцев в российское подданство и сборе с них ясака, защите ясачных людей от набегов «мунгальских людей» и походе с ними же «войною» на изменников, которые отказывались платить ясак,

¹ Эпистема — термин М. Фуко. Согласно взглядам М. Фуко, «власть производит знание: ...нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти» [11, с. 21]. Особый характер связанного с властью знания или «некую структуру мышления, которой не могут избежать люди определенной эпохи» М. Фуко называет э п и с т е м о й [13, с. 350]. Эпистема включает набор дискурсивных практик, выражающих образ мыслей, который присущ определённной исторической эпохе, и нацеленных на производство согласного с провластной идеологией знания, но не претендующих на открытие истины. По-другому, связь власти и знания, т. е. эпистемы, образует дискурс: «Именно в дискурсе власть и знание оказываются сочлененными» [12, с. 134].

строительстве острогов и острожков и челобитные об отводе земель под пашню и выделении дополнительного государева жалованья.

Вот типичный пример отписки Степана Шаховского о посылке служивых людей из Енисейского острога к братским князьям Кохоню и Кадыму для приведения их в российское подданство и сбора с них ясака:

Гс̄дрю ц̄рю и великомꙋ кн̄зю Михаилꙋ Ѡедоровичю | всеа Рꙋсїи холон твои Сенка Шаховскои челом бьет | в прошлом гс̄дрь во РЛЗ м году посыланы были из Ени|сѣвсково острогу на твою гс̄дрву службꙋ енисѣи|ские служивые люди пятидесятникъ Васка Черне|нинов с товарищи д...тцам¹ чл̄вкъ по Тасѣ|еве рекѣ сверхъ а ис Тасѣ|евы реки по Чюни | рекѣ в новꙋю землицѣ к братским князюмъ | к Кохоне да х Кадымꙋ и тѣх гс̄дрь князюи Ко|хоню j Кадыма с людми их под твою гс̄дрьскꙋю высо|кꙋю рꙋку они слꙋживые люди привели и твоег|гс̄дрва ясаку с тѣх князюи с Кохони да с Кады|ма j с людеи их взяли в твою гс̄дрвꙋ казнꙋ внов | пятьдесят девят соболеи а преж гс̄дрь тово с тѣх | князюи и с людеи их твоег гс̄дрва ясаку не имыва|но и в ннешнем РЛИ м году сентября въ К де | били челом тебѣ гс̄дрю ц̄рю и великому кн̄зю Михаилꙋ Ѡедоровичю всеа Рꙋсїи тот пятидесятникъ Васка | Черненинов с товарищи а ко мнѣ холонꙋ твоему | в съѣзжую избу принесли челобитнꙋю и я холон | твои тое их челобитнꙋю послал к тебѣ к гс̄дрю ц̄рю | j великому кн̄зю Михаилꙋ Ѡедоровичю всеа Русїи к Москве под сею отпискою² [РГАДА, ф. 214, стлб. 12, л. 371–371 об., 1630].

В документном дискурсе XVII в. выделяется ряд дискурсем, служащих средствами выражения эпистемы колонизации, — *князецъ, лутчие люди, улусные люди, аманат, ясырь, ясак, прискивание новых неясачных землицѣ, призывать ласкою, собрать (взять) гс̄дрь ясакъ, поставить острог, привести под твою гс̄дрву высокую руку, учинить прибыл[ь] въ ясачном зборѣ*.

Что характерно, иноязычных терминов, представляющих социальную структуру автохтонных социумов Забайкалья, среди перечисленных лексических средств нет. В частности, за пределами списка дискурсем остались такие названия должностных лиц бурятского общества того времени, как *сайты, тайша, зайсан, засул, даруга, шуленга*. В русских документах XVII в. эти термины либо употребляются спорадически (*даруга*), либо называют родоначальников как монгольских, так и бурятских племен (*шуленга, зайсан*), либо служат наименованиями административных лиц монгольского общества (*тайша*), либо не употребляются вообще (*засул, сайты*). Собственно данные наименования обозначают соответствующие реалии в иерархии территориально-административных объединений у бурят, которая существовала в то время независимо от знакомства с ней русскими и хорошо описана в бурятоведении. Так, *улус* или *хотон* объединял жителей одного поселения, совместно совершавших перекочевки, его главой был *засул*. Объединение нескольких улусов называлось *табин* или *холбон* и его главой являлся *шуленга*. Ряд табинов входил в состав рода, и во главе рода стоял *зайсан* или родовой *шуленга* [5, с. 72; 10, с. 70–72; 14; 15].

¹ Ряд букв в слове выцвел.

² Конец листа!

Как уже отмечалось выше, в XVII в. дискурсемами дискурса российской власти эти термины не являются. Термин *тайша* в памятниках забайкальской деловой письменности XVII в. обозначает исключительно монголов, носящих феодально-чиновничий титул первой степени (тайши) [15, с. 223]:

– В нынешнемъ во 177-м году приходили от мунгалского **тайши** Кинодзезя мунгалские люди в Балаганской острог дватцат[ь] шесть человек [4, № 47, с. 164, 1668/1669]; ..., — и за то ево **тайша** с темя с мунгалы посылаля ясакъ збирать, и те мунгалы собравъ ясакъ и уехали с темь вором [4, № 48, с. 165, 1668/1669]; — И нашел <так в тексте — форма ед. ч. /> де на нево мунгальские воровские люди **тайша** Мергенъ Дайчин [4, № 91, с. 422, 1690].

Упомянутый термин *шуленга* мог служить наименованием либо (а) монгольского должностного лица, видимо, сборщика податей [15, с. 629]), либо (б) эвенкийского князя, либо (в) главы бурятского холбона:

(а) -а с собою привезли от мугальского царя Кукана кана послов дву человек, Бодой Зорюкту **шуленгу**, Домок Кулюк зайсан [4, № 39, с. 153, 1666];

(б) били челомъ ... ясачные люди тунгусской князецъ Котюга Бурыгинъ с улусными своима людми, да Кучидцкого острогу **шуленга** Бомбокий с улусными ж людми [4, № 40, с. 154, 1666/1667];

(в) да с ним же Микиткою посланы из Тункинского до Иркутцка братцкие мужики Ирбанова улусу **шуленга** Босига Мокоев, да Тойбина улусу улусной братцкой мужикъ Омегейко Тацунов [4, № 84, с. 327, 1688].

На редкость употребления термина *шуленга* в забайкальских письменных памятниках XVII в. указывает статистика: в 357 исследованных текстах деловой письменности слово *шуленга* встречается 11 раз наряду с 201 случаем синонимичного употребления термина *князец*. При этом в качестве примера отклонения от сложившегося правила данной дискурсивной практики — использовать обобщающую, родовую лексику *князец*, можно отметить своеобразное глоссирование слова *шуленга*:

– подали за своими иноземческими знаменами новые ясачные тунгусы челобитную Удугачагалского роду князецъ Кокувканъ Туллогил да сынъ ево **шуленга** по рускому **пятидесятникъ** Удуга [4, № 30, с. 142, 1660/1661].

Похоже, пояснение было вызвано не только экзотичностью слова *шуленга* в формирующемся региональном узусе русского языка в Забайкалье, но и незнакомством с этим термином дискурса российской власти в XVII в.

Аналогично термин *зайсан* мог обозначать монголов, являющихся родовыми наследными старшинами (зайсанами) [1, с. 208]:

– А служылые люди шли из Ангарског[о] острожку к мунгалскому царю Чичину и ко князем ево к Турокаю и **зайсану** табунану (историч. выбор, с. 39, 1647); — а имяна тем мунгальским послам, первому Банбара Болот косючи, второму имя Зорукту **зайсан**, третьему имя Азар Мергенъ батур [4, № 39, с. 151, 1665/1666].

Но этот же термин мог называть главу бурятского рода. В частности, в широко известном бурятском ученым и бурятской общественности указе Петра I от 22 марта 1703 г. читаем:

– В нынешнем 1703 году Февраля в 25 день били челом нам Великому Государю нерчинские ясашных брацких людей разных родов: Галзотскаго роду **зайсан** Бадан Туракин, да Харганатскаго роду **зайсан** Даскги Бодороев, да Бодонгутскаго

роду **зайсан** Очихай Сардаев, да разных родов и улусов шуленги Шаракин, Тозе, Кондохой, Басутай...

В исследуемых деловых бумагах встречается также должностной термин *даруга*, который бурятские историки не упоминают вообще. Единственное свидетельство его сохранения в бурятском языке приводится в лексикографическом труде Л. Д. Шагдарова: **дарга**... *монг.* начальник; **дарга ноёд** *разг.* начальство... (в словарной статье помета *монг.*, видимо, указывает на монгольское происхождение слова) [15, с. 260].

В «колониальном» восприятии русских того времени социальную структуру бурятского общества с относительной полнотой описывают термины *князцы*, *лутчие люди* и *улусные люди*. По мнению некоторых историков-бурятоведов, используемый в русских документах термин *князцы* обозначал вождей племен, которые состояли из построенных по принципу кровного родства родов [5, с. 72; 2, с. 36–54]. *Лутчих людей* составляли представители родовой власти, объединяемые единым названием *сайты*: тайши, шуленги, зайсаны и засулы. Группа *улусных людей* включала в себя рядовых общинников [2, с. 36–54]. Как следует из вышеприведенного анализа, устанавливаемые Е. С. Гылыковой категории «лутчих людей» в русских документах соответствующими номинациями (за редким исключением слова *шуленга*) не представлены, что служит знаком отсутствия этих реалий в мировосприятии проживающих в то время в Забайкалье русских. Как писал В. Набоков, «то, что не названо, — не существует». Иными словами, признавая действительное наличие сложной иерархии административных чинов в виде зайсанов, засулов, сайтов, тайшей в бурятском социуме того времени, в русской языковой картине мира эта социальная иерархия функционировала согласно эпистеме колонизации в редуцированном виде. Вместо использования автохтонных заимствований *зайсан*, *засул*, *сайт*, *тайша* происходит их подмена составным наименованием *лучшие (лутчие) люди*, знакомым носителям русского языка того времени в связи с оценочной характеристикой людей по имущественному положению и общественному весу¹: например, *торговые лутчие люди*, *посадские лутчие люди*.

Справедливо обращая внимание на источниковедческий аспект употребления терминов *князец*, *братский князец*, Н. П. Егунов пишет: «Все письменные источники показывают, что первоначально русские служилые люди первостепенное значение придавали только бурятским "князцам" как лицам, по их представлениям, имеющим реальную власть среди бурят, право решать самостоятельно все вопросы жизни и быта их. Затем они убедились в том, что такая ориентация не соответствует действительности. В политической жизни бурят большую роль играют не только "князцы", но и "лучшие люди", а также "улусные люди"» [3, с. 75]. По данным письменных памятников, *князець* нередко употребляется в стандартной, устойчивой фразе «*князець такой-то с своими/их улусными людьми*», иногда с указанием «какого роду»: например, *брацкой князець Куржум и его улусные люди* [РГАДА, ф. 1177, д. 3–79, л. 342]; *Почаганского роду князець Ковкунан Тунгусовъ с братьями и с детми и с его улусными людьми* [4, № 20, с. 577, 1661]; *Булгадайского роду князцы Тором и Седок ис своими улусными людьми* [4, № 12, с. 37, 1647]. Указание на улусных людей дает повод думать, что *князець* — это глава

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука, 1975. Вып. 8. С. 341–342.

улуса. Есть контексты, в которых иное толкование слова затруднительно: до первого мунгалского улуса ехат[ь] ден[ь], а **князец** в том улусе Тулук Селенга [4, № 13, с. 38, 1647]. В то же время другие контексты подсказывают, что князец мог управлять и всем родом (если рассматривать понятие рода, согласно взглядам историков-бурятоведов, более высокой степенью в родоплеменной иерархии):

– братцкой князец Куршун Бурлаев, а говорили ему Куршуну... что ему быть Куршуну со всем **родом** и с улусными людьми в вечном холопстве [4, № 7, с. 30, 1641]; – а по роспросу князца Кэжума и тэнгэса Нелбелря **роду** јво Кэжумова и элусных людей Доргия князца Кирижсково роду з двести члвк [РГАДА, ф. 1177, д. 3–79, л. 343].

Кроме того, наименование глав различных этнических родо-племенных объединений одним термином *князцы* — *братские князцы*, *тунгусские князцы*, *тувинские князцы*, *якутские князцы* и др., свидетельствует об обобщении в сознании русских людей разных типов начальников, возглавлявших тот или иной улус, аймак, холбон.

В терминологии русских служилых людей и чиновников Московской Руси XV–XVII вв. широко использовались наименования *князь*, *князец*, *княжество*, с помощью которых «общественные институты Русского феодального государства переносились на социальную жизнь коренных народов Сибири» [7, с. 79]. Порождение концепта «князец» было связано с ключевой семой слова *князь* — ‘глава, владыка’¹ и экстраполяцией образа князя — феодала-правителя в Киевской и Московской Руси, на вождей сибирских кочевых племен, воспринимавшихся как правители меньших территорий и меньшего числа подчиненных. В пользу этого говорит словообразовательная структура термина *князец*, в которой суффикс *-ец* изначально обладал экспрессивной коннотацией уменьшительно-пренебрежительного отношения говорящего к предмету речи, названному производящим словом. Мотивированность живого аффикса *-ец* поддерживается употреблением в забайкальских документах XVII–XVIII вв. словообразовательно-фонематических вариантов *княжец* [РГАДА, ф. 1121, оп. 1, д. 23, стлб. 35, л. 46, 1682], [6, с. 197, 1741]; *князек* [4, № 1, с. 320, 1609], [6, с. 197, 1785]. Переосмысленная в социальном аспекте уменьшительная форма *князец* становится средством выражения вассальной зависимости от российского монарха в дискурсе власти, ориентированном на укрепление в сознании общества эпистемы колонизации.

Таким образом, эпистема колонизации создает у русских первопроходцев такую картину мира, в которой доминирует упрощенный взгляд на сложную социальную иерархию в бурятском обществе того времени. Дифференциация инородцев по социальному статусу оказывалась не нужной, поскольку все они одинаково приводились в российское подданство и первоначально одинаково облагались ясаком. Это и вызвало социокультурное осмысление структуры бурятского общества с помощью терминов *лутчие люди*, *князец* (*княжец*, *князек*), которые обозначали лиц, находившихся в совершенно иных феодальных отношениях в Киевской и Московской Руси. Главные функции этих терминов-дискурсов, вставших на место исконной административной терминологии, истинно именующей систему власти

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука, 1975. Вып. 7. С. 206, 207.

в родоплеменном бурятском сообществе, отражает зачатки формирования имперского сознания, и дискурсивные практики в контексте эпистемы колонизации были призваны упрочить такое представление. Необходимость в ориентации российской власти в потестарных отношениях бурятских и монгольских племен с целью проведения соответствующей внешней политики уступила прагматическому разграничению бурят на ясачных и неясачных людей.

Литература

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 765 с. Текст: непосредственный.
2. Гылыкова Е. С. Обычное право бурят: историко-правовое исследование: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2005. 208 с. Текст: непосредственный.
3. Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 176 с. Текст: непосредственный.
4. Исторический выбор: Россия — Бурятия в XVII — первой трети XVIII века: документы и материалы / ответственный редактор Б. В. Базаров; составители О. В. Бураева, С. С. Бураева, М. Н. Балдано. Иркутск: Отгиск, 2014. 784 с. Текст: непосредственный.
5. История Бурят-Монгольской АССР: в 2 томах / главный редактор П. Т. Хаптаев; Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры. Изд. 2, испр. и доп. Улан-Удэ, 1954 (2016). Т. 1. 496 с. Текст: непосредственный.
6. Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. Москва: Азбуковник, 2012. 584 с. Текст: непосредственный.
7. Мартынова Е. П. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 77–120. Текст: непосредственный.
8. Мининкова Л. В. Теория вотчинного государства и особенности российской истории // Новое прошлое. The New Past. 2018. № 3. С. 104–119. Текст: непосредственный.
9. Снетова Г. П. Русская историческая терминология: учебное пособие. Калинин: Изд-во КГУ, 1984. 86 с. Текст: непосредственный.
10. Тумурова А. Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 224 с. Текст: непосредственный.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / перевод с французского В. Наумова; под редакцией И. Борисовой. Москва: Ад Маргинем Пресс, 1975. 226 с. Текст: непосредственный.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: перевод с французского. Москва: Касталь, 1996. 448 с. Текст: непосредственный.
13. Фуко М. Археология знания / перевод с французского М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступительная статья А. С. Колесникова. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с. Текст: непосредственный.
14. Ханхараев В. С. Буряты. Народы и культуры. Москва: Наука, 2004. Текст: непосредственный.
15. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: в двух томах. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с. Текст: непосредственный.

Сокращения

- д. — дело
 л. — лист
 об. — оборотное (оборотная сторона листа столбца)
 оп. — опись
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 стлб. — столбец
 ф. — фонд

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

ADMINISTRATIVE TERMINOLOGY IN THE TRANSBAIKAL
DOCUMENT DISCOURSE OF THE 17th CENTURY

Aleksandr P. Mayorov

Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher,
Vinogradov Institute of the Russian Language RAS
18/2 Volkhonka St., Moscow 119019, Russia
map1955@mail.ru

Abstract. The article considers the administrative terms *князец* 'knyazets', *лутчие люди* 'lutchie lyudi' as an instrument of the documentary discourse of the 17th century, which performs the function of power discourse.

Discursive analysis of the terminological lexicon in the sphere of public administration involves, first of all, characterization of the specifics of the state structure of Muscovite Rus' of that period. In this case, the application of the provisions of M. Foucault's cratological theory seems to be methodologically right. Within the conceptual construct of the scientist, the power of the Russian Tsar of the 15–17th centuries is interpreted as dominance, and its embodiment during the period of intensive development of the territories of Eastern Siberia and the Far East is the episteme of colonization. The considered discursive practices, which are reflected in the corpus of texts of the Transbaikal business writing of the 17th century, testify to the peculiar perception of the complex social hierarchy of the Buryat society of that time by the conquerors of Siberia. The development of the territories inhabited by the indigenous peoples of the Circum-Baikal region should have inevitably been accompanied by inter-ethnic and inter-linguistic contacts, which would have resulted in the use of autochthonous borrowings in Russian documentary discourse denoting administrative positions in the Buryat society of the time. That didn't happen, and the absence of official terms *даруга* 'daruga', *зайсан* 'zaisan', *засул* 'zasul', *тайша* 'taisha', *шуленга* 'shulenga' we can explain by the fact that all these terminological nominations replaced the Russian terms *князец* 'knyazets', *лутчие люди* 'lutchie lyudi'. In the context of the aforementioned episteme of colonization and the building of a rigid vertical of powerdominance, the differentiation of aliens by social status turned out to be unnecessary. The replacement of autochthonous borrowings by the Russian terms *князец* 'knyazets' (with variants *княжец* 'knyazhets', *князек* 'knyazoek'), *лутчие люди* 'lutchie lyudi' was associated with the performance by these terms of the function of discourseemes that strengthened the imperial consciousness of former and new Russian subjects, as well as fixed the idea of vassalage of yasak people.

We also have characterized the word "term" in connection with the ambiguous interpretation by historians of the language of its use in the diachronic aspect.

Keywords: term, discourse, power discourse, discursive practices, episteme of colonization, *князец* 'knyazets', *лутчие люди* 'lutchie lyudi', Transbaikalia of the 17th century, Buryats.

For citation

Mayorov A. P. Administrative Terminology in the Transbaikal Document Discourse of the 17th Century. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 3: 9–17 (In Russ.).

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 14.06.2023.